

Гусейнов Роман Абдулович

ОБРАЗ УЧЁНОГО В ФАНТАСТИКЕ ЖЮЛЯ ВЕРНА И АЛЕКСАНДРА БЕЛЯЕВА

Статья посвящена некоторым аспектам исследования научной фантастики на примере творчества Жюль Верна и Александра Беляева. В ней рассматриваются особенности создания писателями образов учёных в своих многочисленных произведениях. Основное внимание автор акцентирует на разнообразии и эволюции типов учёных, их художественной и воспитательной ценности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/9-1/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 51-56. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Гулинов Д. Ю. Компьютерная терминология сквозь призму языковой политики (на материале французского языка) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина: научный журнал. 2012. Том 1. Филология. № 2. С. 86-93.
2. Иванова С. В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2008. Вып. 1 (24). С. 29-33.
3. Ильинова Е. Ю. К проблеме мониторинга масс-медийного пространства региона // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: международный сборник науч. тр. М. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2010. Вып. 10. С. 553-561.
4. Куралесина Е. Н. Эволюция языковых политик Франции и Канады в сравнительно-историческом аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 24 с.
5. Смирнова О. А. Государственные социолингвистические технологии и их реализация в современном политическом процессе Франции и франкоговорящих стран: дисс. ... канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2004. 218 с.
6. Le langage est autre: réflexions sur les discriminations sociales et les hétéroclites de la langue française // Le langage est autre: réflexions sur les discriminations sociales et les hétéroclites de la langue française. Lausanne, 1991. 37 p.
7. Le Petit Larousse illustré. Paris: Larousse, 2006. 1855 p.
8. <http://leplus.nouvelobs.com/contribution/164169-la-langue-francaise-est-elle-en-voie-de-disparition.html> (дата обращения: 4.06.2013).
9. <http://te.sreel.uvelbs.c/t.ews/20120416.REU4195/le-niveau-des-eleves-est-il-en-voie-de-disparition.html> (дата обращения: 4.06.2013).
10. <http://www.20minutes.fr/culture/394588-quand-ramdam-remplace-buzz> (дата обращения: 7.06.2013).
11. <http://www.20minutes.fr/monde/968603-si-futur-francais-passait-affaires-ere-numerique> (дата обращения: 7.06.2013).
12. <http://www.20minutes.fr/politique/705281-politique-claude-gueant-souhaite-relever-niveau-exigence-francais-etrangers> (дата обращения: 5.06.2013).
13. <http://www.20minutes.fr/societe/892945-feministes-manifestent-balayer-idees-recues> (дата обращения: 7.06.2013).

**LANGUAGE POLICY IN THE ASPECT OF MASS MEDIA DISCOURSE
(BY THE MATERIAL OF THE FRENCH LANGUAGE)**

Gulinov Dmitrii Yur'evich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Volgograd State Social-Pedagogical University
satellite74@yandex.ru

The article considers the thematic specificity of the leading French print mass media, revealed by the analysis of publications in the key areas of state policy of France in the sphere of language. The author pays special attention to the key questions of language policy that are represented in the discourse of mass media: the modern state of the French language, measures of its distinctive character preservation, the ways of language enriching and renovating, the language policy in relation to immigrants

Key words and phrases: mass media discourse; mass media text; language policy; language reform; legitimization of vocabulary.

УДК 8

Филологические науки

Статья посвящена некоторым аспектам исследования научной фантастики на примере творчества Жюль Верна и Александра Беляева. В ней рассматриваются особенности создания писателями образов учёных в своих многочисленных произведениях. Основное внимание автор акцентирует на разнообразии и эволюции типов учёных, их художественной и воспитательной ценности.

Ключевые слова и фразы: научная фантастика; герой-учёный; Жюль Верн; научно-технический прогресс; буржуазное общество; Александр Беляев.

Гусейнов Роман Абдулович

Московский государственный областной гуманитарный институт
guseynov75@bk.ru

ОБРАЗ УЧЁНОГО В ФАНТАСТИКЕ ЖЮЛЯ ВЕРНА И АЛЕКСАНДРА БЕЛЯЕВА[©]

Западная фантастика имеет особенный взгляд на научные открытия и изобретения как на средства кардинального изменения общественных отношений. Но большие надежды на всеобщее обновление сопровождаются и большими сомнениями. Отмечается незащитность человека перед возрастающей мощью техники, что порождает настроение неуверенности и скептицизма. Именно в свете развития технической культуры, сопровождающегося на Западе заметным ослаблением влияния идей буржуазного гуманизма, в зарубежной

фантастике формируется образ учёного, олицетворяющий всю прогрессивную буржуазную общественность и прошедший долгий и достаточно тернистый эволюционный путь от отчуждения и неприятия научных тенденций обществом до полного признания победы научно-технического прогресса.

Ю. Кагарлицкий в своих книгах о фантастике не раз отмечал, что наука и учёный, воплощающий в себе её сущность, лишь с наступлением эпохи Просвещения стали рассматриваться как более реалистичные и приземлённые единицы. Безусловно, повсеместное распространение знаний, а также всеобщее приобщение к науке и её последующая интеграция в жизнь европейского общества заметно укрепили образ учёного и в литературе, подняв его статус и освободив от многовекового налёта таинственности и мрачной романтики. Ведь не секрет: нередко деятельность служителей науки ассоциировалась с потусторонними, порой магическими и необъяснимыми силами. Представление об учёных людях базировалось на традициях мифов и легенд об алхимиках, магах, чародеях и колдунах, способных с лёгкостью оживить камень или мановением руки вызвать бурю, но не способных принести пользу человеку, не вступив при этом в сговор с нечистой силой или не продав душу дьяволу. Такой ореол таинственности и полумрака не способствовал сближению науки и общества, а посему люди науки, довольствуясь славой чернокнижников, вынуждены были вести полуправильный образ жизни, скрывая свои секреты за стенами подвальных лабораторий или в местах, пользующихся дурной славой на протяжении многих столетий.

Не последнюю роль в мистификации и утверждении враждебности науки и разного рода знаний человеку играла церковь, изничтожившая самым суровым образом всяческую «ересь» и инакомыслие, к которым подобострастные «отцы Божьи» причисляли научные изыскания своих современников. Поэтому стремившиеся познать научную мысль скорее оказывались на очищающем костре, обвинённые в «ведьмачестве» и чернокнижии, а их философские и научные труды так и оставались скромными попытками дать ответ на извечные загадки бытия через призму материалистического восприятия мира.

Всё это нашло отражение и в литературе, где вплоть до середины XIX века в большинстве случаев отношение к науке было отрицательным, хотя заинтересованность данной темой проявлял едва ли не каждый представитель пишущего цеха. Эпоха литературного романтизма попросту не могла не столкнуться с наукой, которая к тому же становилась более понятной в своём стремлении раскрыть все тайны мироздания и, по сути, стать спутницей человечества на долгие годы в его желании познать действительность. Но общее состояние самой науки и скромный перечень её достижений в тот период зачастую накладывали отпечаток негативного восприятия писателей-романтиков на новое рационалистическое начало. Отсюда многочисленные сомнения, элементы враждебного недоверия и сарказма на страницах произведений европейских романтиков начала XIX века и американских представителей романтизма 30-40-х годов XIX века.

Однако не стоит говорить об открытом и всеобщем неприятии романтиками науки, как, впрочем, не стоит и отрицать то недоверие, которое присутствует в их творчестве и порождено скорее их мировоззрением, а не желанием не признавать науку как догму. Именно такое эстетическое восприятие способствовало тому, что романтики особенно остро чувствовали угрозу для человечества в стремительном росте и развитии научных знаний, что неизбежно могло привести к непоправимым последствиям в сложном процессе формирования личности и уродливому состоянию цивилизации. Именно поэтому в «Повелителе блох» (1822) Гофмана встречаются откровенные насмешки над учёными Сваммердамом и Левенгуком, а их «безуспешные попытки познать и подчинить себе мир живой природы путём «членения» её на мельчайшие составные части, путём мертвящего холодного анализа» [13] не вызывают у автора ничего, кроме иронии и пессимизма. Именно поэтому духом скептицизма и неверия в благополучность научного открытия, его неоспоримой пользы для человека пронизаны произведения одного из лучших представителей американского романтизма Э. По. Однако, несмотря на то, что писатель подчёркивал важность нерушимости целостности восприятия явлений природы и духовного облика человека, он всё же с воодушевлением воспринимал природную любознательность человека, его страстное стремление к исследованию, преклоняясь перед упорством и дерзостью в достижении поставленной цели. И Э. По не ошибся в своём понимании важности науки для будущего общества. Он понимал, что научно-технический прогресс не может быть абсолютным злом. Напротив, именно его считали панацеей ото всех социальных болезней, которыми было заражено общество. Стремительное развитие научной мысли сулило значительное облегчение человеческой жизни во всех сферах деятельности.

Возрастающая с каждым днём вера в научно-технический прогресс, его способность изменить нравственные ценности и идеалы общества способствовала формированию в литературе рационального, более реалистичного начала. Это вызвало появление нового типа фантастики, пронизанной духом материализма, а вместе с ней и возникновение новых типов героев-учёных, освобождённых от ореола таинственности и мрачности, более приближённых к «бытовому» реалиям окружающего мира. Для таких героев наука становится смыслом жизни, главной составляющей их деятельности. Именно они пропагандируют и популяризируют научные знания со страниц многочисленных произведений отца современной фантастики Жюль Верна.

Немало уже написано и сказано о том, что Жюль Верн одним из главных героев своих многочисленных произведений избрал учёного, первооткрывателя, изобретателя, мужественного и благородного, не лишённого чувства юмора добряка с большим сердцем и чистыми помыслами. Прежде всего, «это человек, до конца преданный одному делу, вся его душевная энергия, все силы сосредоточены на борьбе с чисто внешними трудностями и препятствиями на пути к желаемой цели, а он достигает её без страха и душевных колебаний, вооружённый верой в свою правоту, во всепобеждающую мощь научных знаний» [12]. Казалось бы, перед нами очевидная калька с образа учёного, созданного и воплощённого талантом писателей-

романтиков, но только лишённого мрачного средневекового ореола таинственности и не окутанного многочисленными страхами и сомнениями человеческими. Однако при ближайшем знакомстве герой Жюль Верна оказывается не таким холодным и недоступным, отчуждённым и одиноким, а в силу различных причин – своего рода старым приятелем, с которым когда-то при странных обстоятельствах судьба развела и посредством счастливого же случая снова позволила свидеться.

Между тем за обыденностью и видимой легковесностью образа учёного в творчестве Верна складываются два типа героев, отдавших себя служению науке. К первому относятся так называемые учёные-чудаки, являющиеся приверженцами одной фанатичной идеи и неосознанно творящие добро и зло, что может привести как к удивительному открытию, так и к глобальной катастрофе. Таков Жак Паганель, сколь рассеянный, столь и талантливый, с упорством, достойным подражания, способный отыскать решение любой проблемы путём длительного сопоставления различных фактов. Это он, тот самый учёный, который «сбившись с истинного пути в результате неправильного толкования какого-то одного факта, несправедливо считает себя ослом, настолько очевидным кажется ему открытие после того, как оно уже сделано» [4, с. 102]. Это он, один из тех людей, кто наделён аристократическим благородством и огромным великодушием, безграничной верой в силу научных знаний и желанием познавать новое и неизведанное ради совершенствования общества.

Так же, подобно Паганелю, смешон и рассеян ещё один герой-учёный – энтомолог кузен Бенедикт из «Пятнадцатилетнего капитана» (1878). Но он отнюдь не точная копия весьма симпатичного и располагающего к себе географа с «Дункана». Он совершенно другой. Однако наряду с Паганелем кузен Бенедикт прекрасно справляется «со своей нелёгкой задачей выступать в роли своеобразной «ядячей энциклопедии», перемежая рассуждения на научные темы остроумными шутками или забавными выходками» [2, с. 11].

К слову, именно таким персонажам присуще замечательное качество – они обладают невероятным оптимизмом, который сопровождается превосходным чувством юмора. Даже в минуты тяжёлых испытаний, когда встаёт вопрос о жизни и смерти, этих героев-чудаков не покидает способность шутить, что делает основанные на комических ситуациях сюжеты многочисленных приключенческих романов Верна наиболее привлекательными и занимательными.

К этой же чудаконатой компании можно отнести и учёного Камарэ из романа «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» (1919). Однако этот верновский герой служит не столько образцом природной рассеянности и научной неряшливости, сколько примером наивного человека, в котором соседствуют добро и зло, в равной мере воздействуя на сознание. Мысли такого учёного охвачены пустыми мечтами, а разум отказывается понимать, каким целям служат наука и его изобретения. Наивность Марселя Камарэ переходит все границы, превращаясь в самоуверенность и надменность. Его совершенно не беспокоит то, что наука может служить и худшему из зол: «Когда вечное всемогущество бросает звёзды в бесконечность, беспокоится ли оно о зле, которое может произойти?» [7, с. 145].

Для него проще возомнить себя Богом, творцом своих устрашающих чудес, равных которым нет. «Я создал всё, что здесь есть. Я пролил благодатный дождь на сухую, сожжённую почву пустыни. Я превратил её в плодородные зелёные поля. Я из ничего создал этот город» [Там же, с. 144].

Другое дело, что здравый смысл всё же торжествует и зло не выходит за рамки, «оговоренные нормами». Однако остаётся одна проблема, которая заставляет задуматься человечество: наука отныне может быть не только полезной, но и опасной, разрушительной силой, ведущей к хаосу и концу мира.

Второй тип героев-учёных в произведениях Верна является подлинным отражением прогрессивных преобразований буржуазного общества, выступая одновременно и носителем инновационного начала в науке, и активным участником освободительных движений, так как его знания, идеи и изобретения не могли быть применимы в среде, где царит дух тирании и деспотизма. Это «рыцарь науки, бескорыстный учёный, готовый во имя своей творческой мечты, ради осуществления благородных стремлений совершить любой подвиг, пойти на любую жертву» [5, с. 8].

Яркий пример такого героя – капитан Немо. Эрудит. Учёный. Революционер. Немо предстаёт в нескольких лицах. Он гениален как служитель науки и загадочен как человек, беспощаден к угнетателям как борец за свободу и щедр к своему народу как истинный сын своей Родины. Он из тех, кто не приемлет публичности, предпочитая славе и признанию тихое уединение на своей чудо-субмарине. Образованный и обладающий фундаментальными знаниями в области науки, Немо ни на минуту не перестаёт совершенствоваться. Его «Наутилус» оснащён по последнему слову техники, но создан гением человека, являя собой образец передовых научных достижений того времени. Немо не находит себе места среди людей по той простой причине, что не видит себе равных, достойных высот его умственного развития. Этим объясняется его одиночество, добровольное затворничество на «Наутилусе». Но это не означает, что капитана Немо можно причислить к человеконенавистникам. Наоборот, присущее ему человеколюбие является той самой особенностью, которая выделяет Немо среди многих людей его статуса и социального положения. Обладая несметными сокровищами, капитан «Наутилуса» не видит в них источника личного счастья: эти богатства принадлежат людям, и, не задумываясь, Немо отдаёт их повстанцам, стремящимся освободить себя от оков рабства. Вечная борьба и вечный поиск – в этом его предназначение в жизни.

И благородный Немо, ставящий общие интересы выше личностных, и подобный ему талантливый изобретатель летательной машины Робур, так и не раскрывший людям секрет её создания, и инженер Сайрес Смит, определяющий человеческий труд выше технических изобретений и новейших машин, обладают самым важным качеством – любовью к свободе, олицетворяя собой науку будущего, лишённую предрассудков и служащую во благо человека.

Воспевая науку на протяжении всего своего творчества, Жюль Верн отмечал её созидательную силу, способную поднять уровень общественной жизни на небывалую высоту. Однако, оставаясь «поэтом науки», Верн неоднократно отмечал не только важность научно-технических преобразований, но и то, в чьих руках находится наука: лишь благородные помыслы и чистое сердце определяют будущее науки, лишь на служение обществу должен быть ориентирован учёный в своей работе. Как только наука выходит за пределы познания, превращаясь в предмет спекуляции и средство наживы, корысти и власти, появляется третий тип учёных, который создала сама жизнь: Жюль Верн благодаря своему литературному таланту лишь отшлифовал его, придав колоритности и реалистичности. Сначала это был образ разочарованного гения, который в силу своей общественной близорукости и безграничной преданности науке становится марионеткой в руках алчных и жестоких претендентов на мировой трон, каким в итоге и предстаёт Камаре в «Необыкновенных приключениях экспедиции Барсака». В более поздних произведениях Верна встречаются учёные-безумцы, ослеплённые манией величия и жаждущие накормить свою алчную натуру несметными богатствами и безграничной властью (изобретатель Робур из «Властелина мира» (1904) и герой романа «Верх дном» (1889) Барбикен).

Новаторство Жюля Верна заключается в создании разных типов учёных: немного идеализированных, немного приземлённых, но в любом случае интересных и запоминающихся. Все многочисленные герои-учёные Верна, будь то страстный путешественник или гениальный изобретатель, любознательный географ или талантливый естествоиспытатель, ведут активную деятельность на переднем крае науки, покинув тесные кабинеты и душные лаборатории и сделав свои открытия и изобретения достоянием общественности. Создание идеального образа учёного, лишённого психологизма, а порой и драматизма, диктовало единственно приемлемую форму фантастики – фантастику научно-технического предвидения, где наука являлась лишь содержанием, а не таинственной и опасной незнакомкой, вторгающейся в пределы человеческого бытия, как у романтиков, что и предопределило глубину психологического анализа героев в ущерб научно-познавательному анализу. Жюль Верн не ставил перед собой задачи использовать те художественные возможности, которые могла предоставить фантастика в области психологии человека, его душевных метаний и нравственных переживаний. В то же время герои-учёные Верна наделены лучшими романтическими качествами личности: мужеством, стойкостью, оптимизмом в преодолении трудностей, способностью любить и жертвовать собой ради науки, непримиримостью к несправедливости и готовностью к борьбе. Образы учёных в романах Жюля Верна близки читателю естественностью и простотой человеческих отношений. Велика роль писателя-фантаста в формировании и развитии устойчивого интереса к науке, научным исследованиям, людям науки у массового читателя. Собственно говоря, фантастика Жюля Верна выполняет роль убедительного наглядного пособия, демонстрирующего мощь науки и перспективу научно-технического прогресса.

Не обошёл в своём творчестве тему науки и её служителей советский фантаст Александр Беляев, которого часто называют верным адептом фантастики Жюля Верна. Изображение человека науки становится едва ли не приоритетной задачей писателя, которую диктовала политическая и социальная обстановка в стране. Новая Россия была лишь крохотным островком в океанской пучине капитализма, и самой важной проблемой молодого государства было желание выжить в борьбе с буржуазными монстрами и победить их по всем фронтам и направлениям, а наука и техника являлись приоритетными областями, где победа социализма считалась бы наиболее значимой. Отсюда и особый взгляд писателя на образ учёного, который необходимо было вывести и в советской фантастике. И Беляев с успехом справился с данной задачей достаточно интересным способом: он прибегает к помощи классической западной фантастики, анализируя многочисленные образы, ситуации, конфликты, взаимоотношения, а главное – традиции изображения «служителя науки» в буржуазной литературе и отношение капиталистического общества к самому назначению науки. На разных этапах своего творчества Беляев неоднократно возвращался к вопросу о роли и месте учёного в буржуазном обществе, рассматривая его в разных аспектах.

Однако стоит заметить: Беляев в создании образа учёного идёт методом «от противного» и в отличие от Жюля Верна сначала заостряет внимание не только на могуществе технической мысли, но и на опасности, которую несёт наука, используемая лишь в достижении корыстных эгоистичных целей без намёка на созидание и процветание. Таковым предстаёт перед читателем изобретатель *машины внушения мыслей* из романа «Властелин мира» (1929), терпящий крах своих безудержных амбиций на право обладания миром. Таковы и другие герои многочисленных произведений Беляева, так называемые представители «чистой науки», не способные удержаться от соблазна быть наверху, платящие по счетам своей корысти и поставившие под удар свой талант, растраченный впустую. Но если талантливый хирург Керн («Голова профессора Доуэля», 1925), обозначенный как «абсолютный злодей, чернота без просвета» [11, с. 139], который в своих преступных замыслах заходит слишком далеко, наряду с профессором Круксом («Невидимый свет», 1938), поставившим свои личностные амбиции выше здоровья пациента, научные разработки осознанно обращали во зло, направленное против человечества, то работающий главным инженером на фабрике авантюриста Бэйли шведский учёный Сванте Энгельбрект предстаёт трусливым человеком, жертвой, чья творческая сущность полностью подчинена авантурным желаниям алчного торговца воздухом.

Очень показателен и образ молодого талантливого изобретателя Штирнера («Властелин мира»), претендующего на мировое господство. Однако его фигура очень противоречива, ведь по большому счёту образ Штирнера весьма трагичен. На одной чаше весов – зло, которое несёт миру и человечеству гениальное изобретение учёного, приводящее в ужас и вовлекающее в хаос целые государства, подчиняющее своей воле целые армии, доводящее до безумия и грозящее разорением всем финансовым, общественным и политическим

пирамидам мира. Но на другой стороне виртуальных весов – красноречивое, а главное искреннее, раскаяние, желание смыть клеймо позора с честного и мирного лица науки, призванной служить человечеству, а не приближать час очередного апокалипсиса. Признаваясь в своих преступлениях перед обществом собственной супруге, Штирнер жаждет искупления своей вины. Однако он не просит пощады и не вызывает к жалости, а предлагает лишь уяснить, что двигало его желаниями на протяжении последних лет, что побудило его навязать Эльзе свою волю, принудить её посредством внушения полюбить его и быть рядом с ним всегда и везде. Раскрывая все свои тайны и секреты супруге, просит лишь понять его: «Единственное, что оправдывает меня, это то, что я, действительно, любил и люблю вас... люблю глубоко и искренне...» [1, с. 514]. Это признание есть самое искреннее признание героя на волоске от гибели, побудившее его супругу Эльзу Глюк не только не возненавидеть своего мужа, а пожалеть его. Хотя, конечно, даже любовь не может служить оправданием самых коварных замыслов, но именно любовь, искренняя и безграничная, может спасти человеческую душу, затерявшуюся в лабиринтах алчности, всевластия, желания господства над всем миром.

Трагедия молодого человека, стремящегося к признанию, любви, определению своего истинного места в мире сложных отношений, положившего на алтарь успеха весь свой незаурядный потенциал, все свои чувства и все свои желания быть счастливым, успешным и нужным, не желающего мириться с участью стать «потерянным поколением», ещё и в том, что в своей бескомпромиссной борьбе за право обладать всем миром он был абсолютно одинок. У него не было ни одного искреннего друга, а жена любила его лишь оттого, что он сам внушил ей эту любовь. Словно окончательный приговор звучат его слова: «Если бы хоть один друг, – искренний, преданный друг был около меня... Если бы вы меня любили не искусственной, мною созданной любовью! Быть может, я бы ещё боролся. Но я был одинок. Я устал... Я бесконечно устал!..» [Там же, с. 515].

По мнению В. Ревича, фигура Штирнера получилась эклектичной и бледной, ведь даже не очень понятно, к чему он стремится. «Неслыханных зверств не совершает, указов не издаёт, дани с покорённых не собирает, государственное устройство остаётся неизменным. Заставить тысячи людей одновременно спеть песенку «Мой милый Августин, Августин, Августин...» или побить друг другу физиономии – вот и исчерпан список его подвигов. Если не считать нескольких удачных финансовых афер, впрочем, их влияние на мировую экономику осталось непроясненным, то Штирнеру и покорить-то не удалось никого, кроме нескольких человек из ближайшего окружения» [11, с. 128].

Но несмотря на всё, он остаётся человеком, хотя бы потому что любил и любит... К тому же не стоит отрицать того, что первоначальные планы Штирнера были благими. Это же всего лишь научное открытие, изобретение, которое могло бы перевернуть всё представление о человеческом разуме, о природе головного мозга, его возможностях и совершенстве. Другое дело, что власть развращает. А благодаря своему открытию Штирнер получил неограниченную власть над душами и разумом людей, чем не преминул воспользоваться в личных целях, однако в итоге попросту не выдержал испытания властью.

Безусловно, Штирнер – отрицательный персонаж. И другого мнения быть не может. Но даже в отрицательных героях Беляев призывает отмечать и приветствовать их богатую научную базу, ведь фактическая оценка героя, по Беляеву, находилась в прямой зависимости от конечных целей его научных трудов, а также ценности его открытия для строительства нового здания современного цивилизованного общества. Таким образом, Беляев, отождествляя художественные образы своих героев с их исследовательской деятельностью, выстраивал их психологические характеристики, опираясь на научно-фантастический материал, что давало возможность создавать глубокие и проникновенные образы без риска навредить динамичному и захватывающему приключенческому сюжету.

То, что судьба учёных в буржуазном обществе, во многом трагическая и неоднозначная, волновала Беляева, косвенно подтверждается тематической схожестью многих произведений писателя, на страницах которых представлена целая галерея образов учёных. Перед нами открывается эволюция падения творческой личности – от способности преобразить мир благодаря своему таланту до оголтелого индивидуализма и нежелания подчинить свои эгоистичные амбиции общему делу служения науки всему человечеству.

Но Беляев, не оправдывая своих героев, в то же время пытается объяснить причины моральной неустойчивости и трагической судьбы учёного в капиталистическом обществе: одних ослепляют амбиции, ими руководит желание использовать свой недожизненный талант в корыстных целях; другие – попав под влияние авантюристов, служат исключительно их интересам, забывая об интересах общества и своём предназначении; третьи – даже оградив себя ото всех соблазнов мира, терпят оглушительное фиаско в попытках реализовать свой талант, пасуя перед проблемами и трудностями, что становится для них творческой трагедией. А ведь за всеми этими образами стоят люди – с их настоящим и будущим, с неуёмной жаждой открытия и желанием быть полезными современному обществу, со стремлением к познанию и творчеству во имя человечества, но, лишь по природе своей психологической слабости, уступившие жизненным обстоятельствам и предавшие свою мечту. Потому спорными представляются суждения В. Ревича об «эклектичности и бледности» беляевских героев, ибо образы этих героев нарисованы самой жизнью, что позволяет заметно повысить процент психологизма и драматизма романов Беляева.

Именно необходимость преобразования общества объясняет Беляев трагическую неудачу западных учёных помочь людям только средствами науки. Ведь практически все герои Беляева в первую очередь неспособны к активной и открытой борьбе, не желают отстаивать своё право на возможность быть полезными человечеству. Они попросту не герои, которые могут повести за собой, растоптав амбиции тех, кто пытается вовлечь науку в сомнительные авантюры, не соответствующие духу гуманизма.

Список литературы

1. **Беляев А. Р.** Полное собрание сочинений: в 2 т. М.: Армада-арбалет, 2010. Т. 1. 1008 с.
2. **Брандис Е. П.** Верн Ж. Романы, повести, рассказы: в 2 т. Л.: Ленинград. газ.-журн. изд-во, 1956. Т. 1. С. 5-26.
3. **Брандис Е. П.** Вперёдсмотрящий. Жюль Верн: повесть о великом мечтателе. М.: Молодая гвардия, 1976. 223 с.
4. **Брандис Е. П.** Ж. Верн: жизнь и творчество. Л.: Детгиз, 1963. 334 с.
5. **Брандис Е. П.** Рядом с Жюлем Верном: документальные очерки. Л.: Детская литература, 1981. 222 с.
6. **Бритиков А. Ф.** Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука, 1970. 448 с.
7. **Верн Ж.** Необыкновенные приключения экспедиции Барсака. Лотерейный билет № 9672. М.: Астрель; Полиграфиздат, 2012. 382 с.
8. **Верн Ж.** Собрание сочинений: в 20 т. М.: Терра, 1998. 7392 с.
9. **Кагарлицкий Ю. И.** Вглядываясь в будущее. М.: Книга, 1989. 361 с.
10. **Кагарлицкий Ю. И.** Г. Уэллс и Ж. Верн // Вопросы литературы. 1962. № 6. С. 116-133.
11. **Ревич В. А.** Перекрёсток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны // Легенда о Беляеве. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. С. 117-140.
12. **Чёрная Н. И.** В мире мечты и предвидения: научная фантастика, её проблемы и художественные возможности [Электронный ресурс]. URL: http://www.fandom.ru/about_fan/chernaya_1.htm (дата обращения: 03.06.2013).
13. **Чёрная Н. И.** В мире мечты и предвидения: научная фантастика, её проблемы и художественные возможности [Электронный ресурс]. URL: http://www.fandom.ru/about_fan/chernaya_3.htm (дата обращения: 03.06.2013).

IMAGE OF SCIENTIST IN SCIENCE FICTION OF JULES VERNE AND ALEKSANDR BELYAEV

Guseinov Roman Abdulovich
Moscow State Regional Classical Institute
guseynov75@bk.ru

The article is devoted to some aspects of science fiction research by the example of creative works of Jules Verne and Aleksandr Belyaev. It considers the features of creating the images of scientists in writers' numerous works. The author pays special attention to the diversity and evolution of scientists' types, their artistic and educational value.

Key words and phrases: science fiction; scientist-hero; Jules Verne; scientific and technical progress; bourgeois society; Aleksandr Belyaev.

УДК 81-112.2;81.2

Филологические науки

Автор настоящей работы ставит задачу познакомить читателя с современными аббревиационными процессами в арабском литературном языке (далее – АЛЯ), с общими особенностями арабских национальных аббревиатур – категории, в арабистической лингвистической науке отсутствующей. Актуальность ее решения определяется, с нашей точки зрения, не только необходимостью заполнения соответствующих языковедческих лакун, но и выявлением так называемой аббревиатурной субстанциональной специфики арабско-го языкового материала, представляющего, по нашему мнению, интерес для теории аббревиации в целом.

Ключевые слова и фразы: графические слова с полной консонантно-вокализованной записью (ГСПКВ); графические слова с неполной консонантно-вокализованной записью (ГСНКВ); графические слова – аббревиатурные образования (ГСАО); композиция; юкстапозиция; заимствованные иноязычные сокращения; инициальные (одноинициальные, двуинициальные) звуковые аббревиатуры; сложносокращенные слова; графические сокращения; смешанные сокращения (инициально-медальные и т.д).

Гуськова Ольга Валентиновна

Московский институт лингвистики

info@inyaz-mil.ru

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АРАБСКИХ АББРЕВИАТУРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ,
В ТОМ ЧИСЛЕ В СВЯЗИ С ОБЩИМИ ПРОБЛЕМАМИ ТЕОРИИ АББРЕВИАЦИИ[©]**

Вопросы аббревиации применительно к языковому материалу АЛЯ разрабатываются нами в связи с функционированием арабских графических слов, одной из разновидностей которых мы считаем частично произносимые (partially voiced) графические слова – аббревиатурные образования (ГСАО). Последние в зависимости от способа их записи – с полной/неполной представленностью входящих